

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

И.Р. Гулиева

Бакинский славянский университет.
AZ 1014. Баку. Азербайджан. Ул. Сулеймана Рустама, 33

В статье представлена системная типологическая классификация, основанная на общих признаках односоставных номинативных предложений. Системная классификация более точно определяет не только категоризацию номинативных предложений, но и их место в системе односоставных предложений, поскольку она основана в первую очередь на конструктивных синтаксических критериях второго порядка значения. В связи с этим типом предложений такая классификационная модель используется впервые.

В истории изучения односоставных предложений системная классификация односоставных номинативных предложений, как известно, предполагает распределение материала по принципу безостаточного деления. Причём признаки, которые ставятся в основу деления, не должны повторяться на различных этапах (этажах) классификации. Более того, предмет классификации не должен быть рассмотрен только в пределах своих разновидностей. Системная классификация должна начинаться в рамках односоставных предложений в целом, поскольку разновидности односоставных предложений являются элементами более широкой системы.

В статье мы предлагаем начинать общую системную классификацию на сугубо синтаксической основе, то есть на базе системного признака, противопоставляющего конструктивно-синтаксические модели односоставных предложений актуализированным моделям односоставных предложений.

Ключевые слова: типология, односоставные предложения, номинативные предложения, глагольные односоставные предложения, именные односоставные предложения.

Несоблюдение принципа системного деления односоставных предложений, как правило, приводило к моментам, требовавшим различных толкований. И, что очень важно, выявлялись соединения конструкций, которые трудно включать в ту или иную группу. Так, например, при изначальном делении односоставных предложений по способу выражения главного члена предложения (этот морфологизм представлен во многих учебниках и научных работах) различались а) глагольные и б) именные односоставные единицы. При этом односоставные предложения, в которых глав-

ный член предложения выражен так называемыми безлично-предикативными словами (т.е. словами категории состояния), вроде *Лень мне; Ой неохота; Просто жуть!* и т.п., оставались необозначенными, «висячими». Ведь безлично-предикативные слова, как известно, восходят к именам существительным *лень, неохота, жуть, пора* и т.п. А при построении парадигмы этих предложений (*Мне лень; Мне было лень* и т.д.) явно проступали структурные особенности безличных предложений. Это означает, что в морфологизованной классификации не оказалось принципиального места для последних – то

есть для предложений типа *Пора, пора, друг мой* (М. Волошин); *Лень мне* и т.п.

Идея подобного деления всего корпуса односоставных предложений впервые представлена в диссертационной работе А.В. Фарзалиевой, разрабатывающей синтаксическую проблематику односоставных предложений на материале паремиологических единиц [13]. Но такое распределение системы односоставных предложений для нас имеет лишь теоретическое значение, поскольку охватывает предмет нашего внимания в качестве элемента (подгруппы) общей классификации. Это означает, что односоставные номинативные предложения (далее: ОНП) составляют некий элемент общей структуры – системы односоставных предложений в русском языке вообще, и к ним будут применяться те критерии, которые логически не противоречат принципам исходного деления односоставных предложений в целом. «В настоящее время номинативное предложение рассматривается как особый тип коммуникативной структуры, в которой находят своё выражение одновременно субъект и предикат коммуникации» [8, с. 9].

Таким образом, дальнейшая классификация актуализированных (ремартически обозначенных) разновидностей односоставных предложений на глагольные и именные (*Не курить! и Зима.*) поддерживает как раз исходный критерий общей классификации, потому что этот морфологический принцип «работает» и на материале конструктивно-синтаксических моделей односоставных предложений. ««Классическим» примером русского односоставного предложения принято считать безличные предложения типа *Морозит; Смеркается; Холодно; Ему не спится; Мне хочется есть; Молнией убило человека; У меня нет этой книги* и т.п. Это самая «сильная» категория в системе односоставных предложений» [6, с. 22].

Здесь, конечно, возможны и иные сугубо синтаксические принципы разграничения. И.П. Распопов в качестве исходного принципа деления применяет критерий «тематической детерминированности /недетерминированности». Несмотря на системную непротиворечивость данного принципа, классификация И.П. Распопова не нашла своих последователей хотя бы потому, что нерасчленённые «*Зима. Снега*» и расчленённые «*Вечерние сумерки. Жаркий июльский полдень*» оказались в разных группах односоставных предложений [10].

Что касается сугубо семантических критериев классификации ОНП, то они также не про-

являют собой чёткости в распределении этих единиц и в результате устанавливают схожие группы типа «1. номинативные предложения, отражающие явления природы – *Свежий запах дикой мяты. Неживой, голубоватый ночи свет*; или 2. номинативные предложения, отражающие явления окружающей среды – *Двор штаба белой армии. Конец дня. Паника. Внезапная эвакуация белых*» и т.д. [4, с. 125]. В определённой мере такое положение повторяется и в учебнике Н.С. Валгиной [3, с. 186].

Представляем квалификацию односоставных номинативных предложений по признаку расчленённости/ нерасчленённости структуры.

Нерасчленёнными считаются номинативные предложения, в которых главный член предложения выражен изолированным, самостоятельным именем существительным. Это – однословные ОНП: *Княгиня, пари!*.. за кого вы держите? (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 2, гл. 28); – *Дикарь!* – говорил он иногда вслух, вспоминая нищего (И. Бунин. Птицы небесные); *Многоголосоца!* Именно многоголосоца Питера... стала основным мотивом и признаком окружающей жизни (Б. Евсеев. Евстигней, гл. 24); *Дева Света! Где ты, донна Анна? / Анна! Анна!* – *Тишина* (А. Блок. Шаги командора); *Осень... /Под стройными хвоями сосен / Трелью раздельною / Свищет свирель* (М. Волошин. Пляски); – *Сильфида!* – повторил Гедеоновский и поднял глаза к небу (И. Тургенев. Дворянское гнездо. 39 гл.); – *Эх, деньги, деньги!* Много греха от них... (Л. Толстой. Поликушка). – *Телеграмма!* / – Могли бы и завтра, – сержусь я, – получая от коридорного телеграмму (А. Чехов. Скучная история. гл. 6) и т.п.

Исторически сложившиеся мнения по поводу ОНП, в чём мы убедились, рассматривая синтаксические работы, концентрируются вокруг комплекса морфолого-семантических признаков этих односоставных предложений. Центральными в этом комплексе являются то, что: а) главный член предложения в них выражается существительным в форме именительного падежа (отсюда название «номинативные» – от латинского названия именительного падежа существительного «номинатив»); б) главный член номинативного предложения «совмещает в себе функцию наименования предмета и идею его существования, бытия – статического бытия» [3, с. 186]; в) доминирующее бытийное значение различается оттенками – указательно-бытийное, оценочно-бытийное, желательно-бытийное и т.п.; г) ОНП представлены в языке-речи в

своих разновидностях: расчленённые, нерасчленённые, «осложнённые» кругом специфических частиц и т.д.; д) ОНП являются «фигурами» разговорно-диалогических единств и особых текстовых форм.

Теоретическая квалификация ОНП иногда охватывает моменты категориально-синтаксических параметров. Так, Т.П. Ломтев в своей известной книге по теории синтаксических позиций характеризует ОНП однословного строения как позиционный вариант двусоставных предложений: «Главная позиция односоставных восклицательных номинативных предложений может быть отождествлена с позицией сказуемого двусоставных повествовательных предложений. Ср. Жулик, жулик! Подлец! Пожар! Восклицательные односоставные номинативные предложения... чередуются с повествовательными двусоставными предложениями Вы – подлец, Он жулик и т.п.» [7, с. 84]. Однако Т.П. Ломтев в этот ряд синонимичных «чередующихся» единиц не включает номинативное предложение Пожар!, хотя в группе единиц, названных самим автором, единица «Пожар!» есть. Словом, «Пожар!» в отмеченную трансформационную систему «чередующихся» единиц не укладывается. О причинах такой «нестыковки» Т.П. Ломтев не говорит.

Или, например, когда речь идёт о формах проявления в ОНП такой основополагающей категории, как предикативность (и шире – предикативность), то высказывается мнение, что номинативные предложения «называют предмет речи и утверждают его бытие. В них содержание высказывания ограничивается отнесением названного предмета речи к действительности... Этим предложениям свойственно предикативность в целом, причём таким предикативным бытием предмета не конкретизируется, а только указывается как бытие, существование вообще. Это так называемое простое общее предикативность; оно осуществляется преимущественно средствами интонации» [10, с. 75-76].

Такое толкование природы предикативности в односоставных нерасчленённых предложениях принято в академической «Грамматике русского языка» и высказано В.В. Виноградовым: «Так, безглагольные односоставные предложения представляют собой единицы речевого общения, грамматически организованные на основе тех же категорий модальности и времени, даже если они содержат лишь одно единственное понятие или представление, соответствующим образом соотносённое с действительностью. На-

пример: Мороз. Тише! Внимание!» [5, с.78]. Эту же мысль В.В. Виноградов подкрепляет следующим тезисом о том, что предикативность как постоянное категориальное свойство предложения «не всегда выражается в предикативной связи между частями или членами предложения. Предикативность может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения; например: *Молчать! Жара! Светает*» [5, с. 87].

Эта характеристика природы предикативности в односоставных нерасчленённых предложениях фактически стала общепринятой в теории односоставных предложений. Об особой «предикативной интонации», «констатирующей интонации», писал ещё А.М. Пешковский [9, с. 173].

Однако считаем необходимым отметить следующее. Интонация является показателем расплывчатой, она «на слух» не поддаётся стратификации. И поэтому классификации, типология предложений на основе лишь интонации, практически нереальны.

Разъясним сказанное. Интонационный рисунок ОНП «*Эх, деньги, деньги!*», приведённого выше, в изолированном от текста виде может актуализировать различные значения: сильное желание иметь их, жалость к людям, имеющим подобное сильное желание, разочарование в их всемогуществе и, наконец, философское обобщение или заключение по поводу их влияния на человеческое существование.

Таким образом, интонация фальшивого философствования становится ясной только при поддержке смысловой структуры всей микроситуации, когда решается вопрос об определении мальчика в рекруты. Ещё более она проясняется на фоне всего рассказа, выявляющего образ купца в целом – его характер, внутреннюю природу. И интонация констатации некоторого явления (денег), связанного с негативным для христианина (грехи...) сущностью, представляет основу предикативной формы предложения «*Эх, деньги, деньги!*». В.В. Бабайцева называет эту форму логико-психологической основой номинативных предложений: есть случаи непосредственного созерцания предмета суждения, но и есть случаи, когда нет непосредственного созерцания предмета или явлений (как, например, в нашем примере). Номинативные предложения представляют и тот, и другой случай. Во втором случае «предмет суждения представлен, – отмечает В.В. Бабайцева, – в субъекте суждения в виде представлений или в виде суждений, вы-

раженных предложениями, обычно препозитивными» [1, с. 121].

Сказанное, на наш взгляд, подводит к заключению о том, что предикативность и модальные оттенки предложения «Эх, деньги, деньги!» (см. ряд смысловых оттенков, который мы представили чуть выше) оказываются настолько нераспоржимыми, что проводить между ними грань становится проблематичным. Понятия времени и пространства как категориальных свойств всякой предикативной единицы в таких случаях аморфного выражения значения бытия, существования оказываются максимально размытыми. Это даёт нам определённые основания считать попытки трансформации подобных разновидностей ОНП в двусоставные и говорить об их потенциальной возможности строить временной парадигматический ряд некорректным. Ср.: *Эх, деньги, деньги!*; *Эх, деньги были (будут), деньги...* В таких случаях, видимо, следует говорить о формировании и реализации обобщённого абстрактного настоящего времени «вокруг говорящего субъекта», которое охватывает все конкретные временные формы – и прошедшего, и настоящего, и будущего изъявительного наклонения, а также формы ирреальных наклонений.

Следовательно, для синтаксической системы русского языка функционирование предикативных наречий или существительных не такая уж редкость.

Поэтому квалификация главного члена номинативного предложения как особого рода «предикативных существительных» не будет противоречить законам грамматики русского языка. «Одним из спорных является вопрос относительно синтаксического функционирования главного члена номинативного предложения, где наблюдается много противоречий. Одни лингвисты признают за ним статус сказуемого, а другие называют его подлежащим» [2, с. 9].

Об указательно-номинативных предложениях мы расскажем отдельно. Здесь же отметим, что ОНП местоименного выражения вполне правомерно вычлняются на линии нерасчлнённых ОНП, среди которых выявляются, таким образом, две противопоставленные группы: а) нерасчлнённые субстантивные ОНП и б) нерасчлнённые местоименные ОНП.

Правомерность выделения местоименных ОНП доказывается прежде всего тем, что местоимения как класс знаменательно-указательных слов (речь идёт, в основном, о личных ме-

стоимениях) служат семантико-дейктическими (указательными) субститутами, заместителями существительных. Это – лексико-грамматическое назначение, функция местоимений. Следовательно, определение группы ОНП местоименного характера не противоречит природе местоимения:

1. Стук в дверь. Открываю. Не верю глазам. Передо мной стоит Степан. Я, оторопела...

– Ты! Неужели ты? (И. Тургенев. Касьян с красивой мечи).

2. – Она мне поведала о своём женихе... Стало быть, ты и есть! А может, другой кто?

– Я! Я! – забормотал Герасим... (В. Костылев. Иван Грозный, ч. 2.). Фактически, как видно, классификация ОНП нерасчлнённого типа на этом этапе завершается, потому что признак «морфологическое выражение главного члена ОНП» исчерпывает свои возможности; случаи иного морфологического выражения названного члена предложения ОНП (словосочетания, количественно-именные сочетания и т.д.) всегда, как показывают наши наблюдения, эквивалентны либо существительным, либо местоимениям [4, с. 127].

Так что первичная классификация нерасчлнённых ОНП по способу выражения главного члена предложения имеет два основных варианта:

Первый вариант: 1. Нерасчлнённые ОНП субстантивные; 2. Нерасчлнённые ОНП местоименного характера и 3. Нерасчлнённые ОНП цепочный структуры (когда самостоятельные существительные или местоимения повторяются: Снега. Снега. Завалы снега; Я! Я! – пробормотал Герасим... и т.п.). Второй вариант мы представили чуть выше.

Однако данная классификация в принципе оказывается формализованной, она не раскрывает семантико-функциональные возможности ОНП, их «аффективную» природу, хотя, как известно, сама реальность ОНП, их многообразные речевые функции обусловлены как раз фактором субъективной экспрессии.

В целях полноценного представления сторон отмеченной формализованной (морфологической) классификации считаем нужным сказать несколько слов и о расчлнённых конструкциях ОНП.

Эти предложения противопоставляются нерасчлнённым вариантам ОНП тем, что в них выделяются, как минимум, два члена предложения – главный (сам номинатив) и его распро-

странитель (второстепенный член предложения):

1) – Михаил Кузьмич Антонов, прошу помнить! – предупредил он Самгина.

– *Какой искусный актёр*, – подумал Самгин... (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, ч. 2).

2) – Это кто? *Какое жалкое лицо!* – спросил он, заметив сидевшего на лавке невысокого больного в коричневом пальто и белых панталонах... (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 2., гл. 34).

Расчленённые ОНП иногда называются «распространёнными». Но и в том, и в другом терминологическом обозначениях суть этих ОНП сводится к возможности выделения в них другого (или других) членов предложения, кроме главного [3, с. 189-190].

Когда речь идёт о расчленённых ОНП, все исследователи единодушно замечают, что эти конструкции распространяются лишь определённым членом предложения (либо согласованным, либо несогласованным определением): *Морозный день, конец декабря* (М. Шолохов. Поднятая целина, гл. 18).

Учитывая зыбкость семантических критериев классификации ОНП, в «Грамматике русского языка» также даётся классификация, основанная на признаке распространённости / нераспространённости ОНП.

Однако в современных вузовских учебниках всё же предпочтение отдаётся семантической классификации, при которой выделяются в основном такие классы (группы), как бытийные, указательные, бытийно-побудительные (Доброе утро! и т.п.), оценочно-бытийные, собственно-назывные (типа «именительное представления») [12, с. 305-306]; [11, с. 437-438].

Семантическую классификацию можно считать удачной лишь с точки зрения охвата материала. В ней находят своё отражение основные смысловые оттенки как расчленённых, так и нерасчленённых ОНП. Но следует в этой связи отметить и другое положение. Дело в том, что основным, базовым значением номинативных предложений является утверждение бытия (наличия, существования) явлений, фактов, предметов. А это значение или осложняется в некоторых типах ОНП, или выступает в «чистом» виде. Тем более, что семантическое осложнение

происходит одинаково эффективно как в расчленённых ОНП, так и в их нерасчленённых типах. Это свидетельствует о реальности и неизбежности частых переходных по смыслу конструкций, которые могут быть включены в ту или иную группу: *Тишина*. (при констатации); *Тишина!* (при требовании); *Тишина...* (в смысле утверждения ложного спокойствия, после которого обязательно наступает кровопролитный бой). Поэтому в таких случаях «изолированного» номинатива обязательно наличие пре- и постпозиционного контекста.

Всё сказанное выше даёт, как нам кажется, основание считать классификацию ОНП на основе признака расчленённость / нерасчленённость не отвечающей требованиям сущностного определения ОНП.

В нашем случае мы отдаём предпочтение другому критерию классификации ОНП – критерию, исходящего из системы речевых актов.

Попытка такой классификации в работах по синтаксису односоставных предложений вообще и ОНП в частности не предпринята.

Наш выбор модели классификации обусловлен следующими соображениями. а) Как нами уже было отмечено в начале работы, мы исходим из фундаментального положения о том, что односоставные предложения строго распределяются на две группы – конструктивно-синтаксические модели (потенциально делимые на тему и рему) и актуализированные модели (представляющие только рему высказывания, ОНП – рематическое предложение). Значит, б) оно представляет элемент актуализированного высказывания, т.е. речевое произведение, его функционирование зависит от речевой установки говорящего субъекта, его восприятия. Поэтому эти единицы в абсолютном большинстве случаев экспрессивно-эмоционально окрашены, что проявляется на фоне специфической интонации.

Теория речевых актов, на наш взгляд, достаточно твёрдая основа для классификации всего многообразия ОНП, поскольку данная теория основана на учёте единственного функционального свойства высказывания – его функциональной ориентации, целевого назначения.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968, 160 с.
2. Биджиев З.А.-Дж. Односоставное номинативное предложение в карачаево-балкарском языке (в сопоставлении с русским и английским языками) // Авторефер. дисс. канд. филол. наук. Махачкала, 2009, 22 с.
3. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., Изд. 2-ое, 1978, 438 с.
4. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1958, 198 с.
5. Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова, т.2, ч.2 (продолжение). М.: Наука, 1960, 440 с.
6. Долин Ю.Т. Вопросы теории односоставного предложения (на материале русского языка). Издание 2. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008, 129 с.
7. Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1958, 164 с.
8. Мокроусова О.Ю. Номинативное предложение как единица текста: коммуникативно-прагматический аспект // Авторефер. дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011, 25 с.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956, 511 с.
10. Распопов И.П. К вопросу о предикативности // Вопросы языкознания. М., 1958. №5., с.70-77.
11. Современный русский язык / Под ред. Е.И. Дибровой ч. II., изд. 2-ое. М.: Академия, 2006, 618 с.
12. Солганик Г.Я. Значение слова и представление // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж: Изд. ВГУ, 1987, с.6-15.
13. Фарзалиева А.В. Опыт системной классификации односоставных предложений в русском языке (на материале словосочетаний и поговорок). Диссертация доктора философии по филологии. Б., 2015, 133 с.

Сведения об авторе:

Гулиева Илаха Расим гызы – докторант Бакинского славянского университета (Азербайджан, Баку).
E-mail: bitkovskayay@inbox.ru.

TYPOLOGICAL CHARACTERISTIC AND CLASSIFICATION OF MONONUCLEAR NOMINATIVE SENTENCES

Guliyeva İlahə Rəsim

Baku Slavic University.
AZ 1014. Baku. Azerbaijan. 33 Suleiman Rustam Street

Abstract: *The article presents a systematic typological classification based on the general qualifications of mononuclear nominative sentences. A systematic classification more accurately determines not only the categorization of nominative sentences, but also their place in the system of single-component sentences, since it is based primarily on constructive syntactic criteria of the second order of value. Such a classification model is applied for the first time in connection with these proposals.*

In the history of the study of mononuclear sentences, the systematic classification of mononuclear nominative sentences, as is known, involves the distribution of material according to the principle of residual division. Moreover, the signs that are the basis of the division should not be repeated at various stages of classification. Moreover, the subject of classification should not be considered only within its varieties. A systematic classification should begin within the framework of mononuclear sentences in general, since varieties of mononuclear sentences are elements of a wider system.

We propose, as already noted, to begin a general system classification on a purely syntactic basis, i.e. on a system feature that contrasts the constructive-syntactic models of mononuclear sentences with the actualised models of mononuclear sentences.

Key Words: *typology, the mononuclear sentences, the nominative sentences, verbal nominative sentences, subjective nominative sentences.*

References

1. Babaitseva V.V. Odnosostavnie predlozheniia v sovremennom russkom iazyke [Single-component sentences in modern Russian]. M.: Prosveshchenie. 1968. 160 s.
2. Bidzhiev Z.A.-Dzh. Odnosostavnoe nominativnoe predlozhenie v karachaevobalkarskom iazyke (v sopostavlenii s russkim i angliiskim iazykami) [One-part nominative sentence in the Karachay-Balkarian language (in comparison with Russian and English)] // Avtorefer. diss. kand. filol.nauk. Mahachkala, 2009, 22 s.
3. Valgina N.S. Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka [The syntax of modern Russian language]. M., Izd. 2-oye. 1978. 438 s.
4. Galkina-Fedoruk E.M., Gorshkova K.V., Shanskiy N.M. Sovremenny russkii iazyk. Sintaksis [Modern Russian language]. M.: Uchpedgiz. 1958. 198 s.
5. Grammatika russkogo iazyka [Grammar of the Russian language] / Pod red. V.V. Vinogradova. t. 2. ch. 2 (prodolzhenie). M.: Nauka. 1960. 440 s.
6. Dolin Yu.T. Voprosy teorii odnosostavnogo predlozheniia (na materiale russkogo iazyka) [Questions of the theory of a one-component sentence (on the material of the Russian language)]. Izdanie 2. Orenburg: IPK GOU OGU, 2008, 129 s.
7. Lomtev T.P. Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo iazyka [The basics of the syntax of the modern Russian language]. M.: Uchpedgiz. 1958. 164 s.
8. Mokrousova O.Yu. Nominativnoe predlozhenie kak edinitsa teksta: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt [Nominative sentence as a unit of text: communicative-pragmatic aspect] // Avtorefer. diss. kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2011, 25 s.
9. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific coverage]. M.: Uchpedgiz. 1956. 511 s.
10. Raspopov I.P. K voprosu o predikativnosti [On the question of predicativity] // Voprosy iazykoznaniiya. M., 1958. №5. s.70 –77.
11. Sovremennyy russkiy iazyk [Modern Russian language] / Pod red. E.I. Dibrovoy ch. II.. izd. 2-oye. M.: Akademiya. 2006. 618 s.
12. Solganik G.Ya. Znachenie slova i predstavlenie [The meaning of the word and representation] // Semantika slova i sintaksicheskoy konstruktzii. Voronezh: Izd. VGU. 1987. s.6-15.
13. Farzalieva A.V. Opyt sistemnoy klassifikatsii odnosostavnykh predlozhenii v russkom iazyke (na materiale poslovits i pogovorok) [The experience of systematic classification of single-component sentences in Russian (based on proverbs and sayings)]. Dissertatsiia doktora filosofii po filologii. B.. 2015. 133 s.

About the author:

Guliyeva İlahıa Rasim – postgraduate student at Baku Slavic University.
E-mail: bitkovskayay@inbox.ru.

* * *